Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Пензенская государственная технологическая академия

СИМВОЛИЧЕСКОЕ И АРХЕТИПИЧЕСКОЕ В КУЛЬТУРЕ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Материалы международной научно-практической конференции 5–6 марта 2011 года

Пенза – Прага
2011

УДК 1+008+7+81+82
ББК 71
С 37

С 37 Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции 5–6 марта 2011 года. – Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. –270 с.

Редакционная коллегия:

Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Ева Кашпарова, доктор философии, научный сотрудник Высшей школы экономики в Праге.

Георг Краев, доктор философии, профессор Нового болгарского университета.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, посвященные сущности и значению символов и архетипов, проблемам языковой картины мира, идеального и утопического. Рассматриваются символические и архетипические составляющие некоторых религиозных доктрин и практик, народного, классического и современного искусства, некоторых философских течений, актуальных социальных, политических и экономических процессов.

ISBN 978-5-91990-012-2

УДК 1+008+7+81+82
ББК 71

© Научно-издательский центр «Социосфера», 2011.
© Коллектив авторов, 2011.

13. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. 4. 1. Исследования по феноменологии и теории познания. Исследование V. Об интенциональных переживаниях и их «содержаниях» // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. – Рига, 1988. – С. 282–297.
14. Гьосле В. Трансцендентальна прагматика як фіхтеанство інтерсуб'єктивності // Єрмоленко А. М. Комунікативна практична філософія. – К., 1999. – Вибрані тексти. – Ч. 2. – С. 455–478.
15. Кант И. Критика чистого разума / Н. О. Лосский; пер. с нем. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 672 с.
16. Кэмпбелл Джозеф. Герой с тысячью лицами / пер. с англ. – «София», Ltd., 1997. – 336 с.
17. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1985. – С. 211.
18. Навроцький В. В. Логіка соціальної взаємодії. – Харків, 2005.
19. Соколов Ю. Е. Лабиринт как архетип // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 4. – 2009. – Культурология.
20. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. – М., 2004.
21. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М., 1994.
22. Юнг К.Г. Психологические типы. – Минск, 1998.

ПРИРОДА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

М. А. Садыкова
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

Summary. The article introduces the term a mythicized concept, and states that mythos and symbol are its core components. The mythicized concepts have been functioning in the collective conscience via metaphor since ancient times. The author illustrates the existence and role of such concepts with the metaphors of «light» and «darkness» found in the Bible, and Russian, English and American fiction.
Key words: mythos, symbol, metaphor, a mythicized concept.

Каждый естественный язык отражает свой способ концептуализации мира. Вербальная знаковость лингвокультурных концептов – самый надёжный и достоверный материал для всякого лингвокультурного исследования, поскольку известно, что символизируются и, в частности вербализуются, наиболее значимые для человека факты культуры, которая, по М. Веберу, «охватывает те – и только те – компоненты действительности», которые становятся ценностными для нас [1].

Мифологизированный концепт (далее МК) – комплексная ментальная вербализованная единица, включённая в контекст культуры и связанная с определённым типом мышления, которое специфично для первобытного и некоторых уровней сознания, в особенности массового, во все времена. МК представляют интерес для лингвокультур-

ных исследований, учитывая растущий интерес к мифологизированным формам сознания, в частности в контексте глобализации культур. В семиозисе МК ведущую роль играют культурный миф и символ, получившие выражение на языке метафоры.

Миф образует устойчивую универсальную структуру, которая рождается на стадии архаического сознания, сохраняется на протяжении всей человеческой истории и пронизывает все без исключения культуры. Под мифом мы подразумеваем феномен мифологического сознания – особого коммуникативного (дискурсивного) символического типа мышления, которое базируется не на рациональности, а на *вере* (т. е. принимается без доказательств, на основании внутренней убеждённости), и которое постоянно воспроизводится в культуре, апеллируя к массовому сознанию. Миф продолжает действовать в современной языковой картине мира (далее ЯКМ), а «архетипы и мифологемы «удерживают» наше языковое сознание в зоне психолого-эмоционального воздействия» [1].

По мнению М. М. Маковского, слова хранят в себе тайну человеческого бытия и человеческой духовности. В глубокой древности слова создавались именно для того, чтобы скрывать истинные и наиболее глубокие смыслы, поскольку считались священными и способны были испортить охоту или рыбалку, вызвать засуху, болезнь или смерть [3].

В. А. Маслова поддерживает и развивает гипотезу о мифологическом происхождении языка, которая позволяет объяснить сам феномен языкового многообразия. Поскольку почти любое слово для древнего человека было наделено мифическими смыслами, знание сакральной семантики слов было чрезвычайно важно для наших предков. С течением времени сакральное забылось, но не исчезло. Язык продолжает не только хранить черты мифологического мышления, но и продуцировать их заново [4].

По определению С. С. Аверинцева, в создании символа участвуют «образ» и «смысл»: «Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса ... Переходя в символ, образ становится «прозрачным»: смысл «просвечивает» сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива» [5]. Особенность символов в том, что это древнейшие ассоциативные модели мышления, закреплённые традицией той или иной культуры в разных языках с целью стабилизации значения текста в синхроническом и диахроническом аспектах. По Ф. Уилрайту, архетипический символ несёт одно и то же или очень сходное значение для большей части человечества [10].

Источниками словесной символизации становятся метонимическое и метафорическое ассоциирование. Метафора бесконечно варьирует семантику компонентов символа, порождая всё новые ассоциации, и реализует символ в тексте, ибо символ – ста-

тичная структура, существующая лишь в сознании человека. Динамика метафоры отражает движение мысли [6]. Отношения метафоры и мифа носят взаимозависимый характер, что взаимообусловлено их информационной сопряжённостью, функциональной предназначенностью и способами интерпретирования в парадигме языковой культуры.

Введённые в научный обиход Дж. Лакоффом и М. Джонсоном понятия «метафорические концепты» отражают некоторые фундаментальные культурные ценности, как правило, на общечеловеческом уровне и потому являются основой понимания в коммуникации, самопознании, поведении, эстетической деятельности и политике [2]. Как пишет В. Н. Телия, в основном метафорические концепты представляют собой «мёртвые» языковые метафоры, в глубине которых живут и тем самым участвуют в синхронно-языковом созидании и восприятии образа мира архетипические формы сознания, в том числе – олицетворение, символы, а также эталоны как «мера всех вещей» [8].

Изучение мифологий мира обнаруживает поразительное сходство их сюжетов, что говорит об универсальных путях распредмечивания мира, психологически опосредовано «подсказанных» человеку самими свойствами фрагментов действительности, данной ему в тактильных, визуальных и аудитивных формах. Восприятие света и тьмы стало одним из первых явлений природы, получивших отражение в мифах. В основе данных МК лежит восприятие на уровне зрения, и поскольку их денотат доступен прямому наблюдению, данные концепты могут реализовываться в языковом пространстве в виде лексем с прямым значением. Однако сквозь века до нас дошёл образно-ассоциативный ореол концептов, появившийся в мифологических и религиозных представлениях человека, и трансформировавшийся затем в экспрессивно-стилистический фон, чётко обозначенный в религиозном и художественном дискурсе, на котором выступают переносные значения лексем «свет» и «тьма» и реализуются метафоры света и тьмы.

Проведённый в ходе исследования [7] анализ словарных статей, фразеологизмов, паремий, а также употребления МК «свет / light» и «тьма / darkness» в Священном Писании и современной русской и англо-американской художественной литературе показал, что свет символизирует *источник жизни/ бессмертие / рай/ чистоту/ добро/ знание/ способность воспринимать реальность определённым образом / уважаемого человека/ славу (хорошую репутацию)/ радость/ надежду на лучшее/ праздник Пасхи у христиан/ ласковое обращение к кому-либо*. При сопоставлении со светом тьма выступает символом *смерти/ страха перед смертью/ греха/ зла/ невежества/ неизвестности/ недоверия, подозрительности/ таинственности/ бесперспективности/ удручённого психологического состояния*. Эти

данные свидетельствуют об универсальном характере МК в русской и англо-американской лингвокультурах. Образное значение МК «свет/ light» и «тьма/ darkness» формируется интегральным признаком «ценность», а сами МК имеют аксиологическую оценку «добро» и «зло».

Свет и тьма извечно противостоят друг другу, но одновременно, уравновешивают и дополняют друг друга, образуя целое. Тьма считается таким же необходимым элементом мироздания, как и свет, символизируя *материнское лоно* (= землю), дающее новую жизнь. Тьма предшествует свету как небытие (= хаос) рождению и «наделена отрицательным признаком только в сопоставлении со светом» [9]. Так, посредством МК «свет / light» и «тьма / darkness» раскрывается ещё одна основная семиотическая оппозиция – «мужской – женский», а данные МК приобретают гендерную характеристику.

Таким образом, со времён существования древних цивилизаций природное явление света и его отсутствия – темноты – безоговорочно считались первоэлементами вселенной и были наполнены мифологическим содержанием. В текстах Священного Писания МК «свет/ light» и «тьма/ darkness» получили максимальную символическую нагрузку, и посредством метафор с символьными составляющими света и тьмы реконструируют миф, метасмысл которого выражён оппозицией «добро – зло». Последующая культурная релевантность данных МК объясняется как витальной, так и психолого-моральной ценностью этого феномена для жизни человека.

Библиографический список

1. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с. – С. 21, 368.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Маковский М. М. Язык – миф – культура: символы жизни и жизнь символов.– М.: Русские словари, 1996. – 330 с. – С. 28.
4. Маслова В. А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С. 159–163.
5. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для студентов филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 432 с. – С. 189.
6. Резчикова И. В. Семантическое варьирование символа «раковина» в стихотворении Б. Пастернака «Зима // Средства номинации и предикации в русском языке: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 2001. – С. 134–139.
7. Садыкова М. А. Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет/ light» и «тьма/ darkness» в текстах Священного Писания: дис. ... канд. *филол.* наук. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2007. – 159 с.
8. Телия В. Н. Концептообразующая флуктуация константы культуры «родная земля» в наименовании *Родина* // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – С. 409–418.

9. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. – М.: Фаир-Пресс, 1999. – 448 с. – С. 38.
10. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 82–109.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ГЕНОТИП ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

А. А. Романовская
Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь

Summary. It is stated in the paper that relative pictures of the world represented by natural languages contain something irrelative, a kind of invariant that is expressed by a genotypic language. The ideal, i.e. genotypic language (words – genotypes and sentences – genotypes), signifies ideal objects. Expressing implicit meanings, genotypes find their realization in concrete nominative and communicative reflections – constants. Symbol as a verbal unit in whose contents «past experience» of humankind has special semantics. The idea of a linguistic unit (a symbol) emerges on the basis of an image.

Key words: archetyp, function of the doer, genotype, genotypical language, genotext, antique symbol, disponibility, genotypical image, imaginative notion, element of the code of culture.

Существование чего-либо в нашей душе, отмечает К. Г. Юнг, признаётся только в том случае, если в ней присутствуют осознаваемые содержания. Схемы образов – архетипы, представляющие собой только непосредственную психологическую данность, получают содержательную характеристику лишь тогда, когда они проникают в сознание и при этом наполняются материалом сознательного опыта, т. е. видоизменяются и приобретают «осознаваемые формы» [см. 18, с. 50]. Психологическое обоснование архетипу К. Г. Юнг даёт через обращение к мифу как психологическому явлению, выражающему глубинную суть души.

Архетипы обозначают наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, изначальные схемы представлений, лежащих в основе любых художественных, в том числе мифологических, структур [1, с. 111]. Т. Манн определяет архетип как типичное, вечно-человеческое, вечно повторяющееся, вневременное – относящееся к области мифического. «В типичном всегда есть очень много мифического, мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, – это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы» [8, с. 175].

В греческой мифологии героический архетип восходит к образу Аякса: *Аякс Оилид* и *Аякс Теламонид*. Это необузданные и гордые